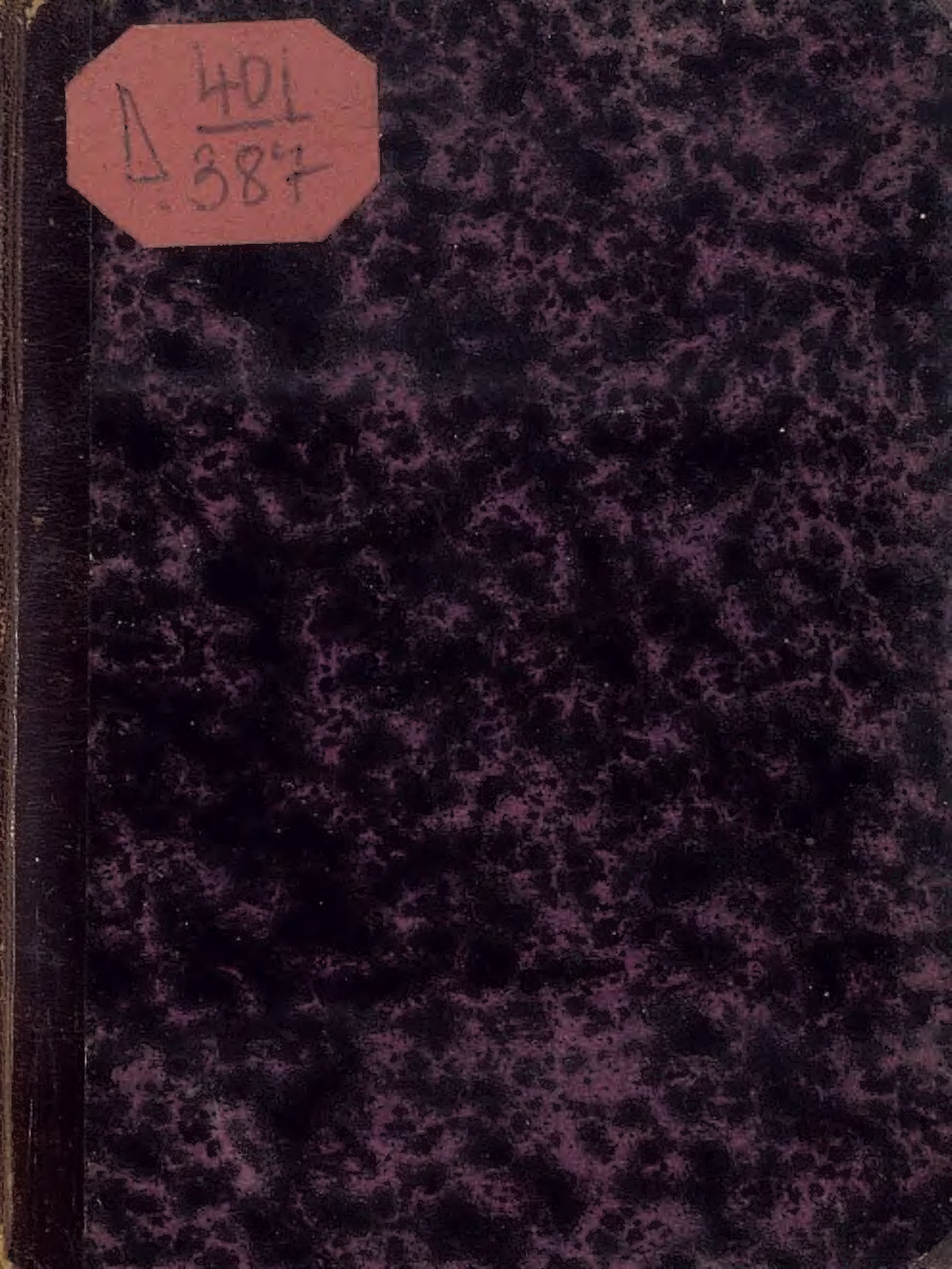
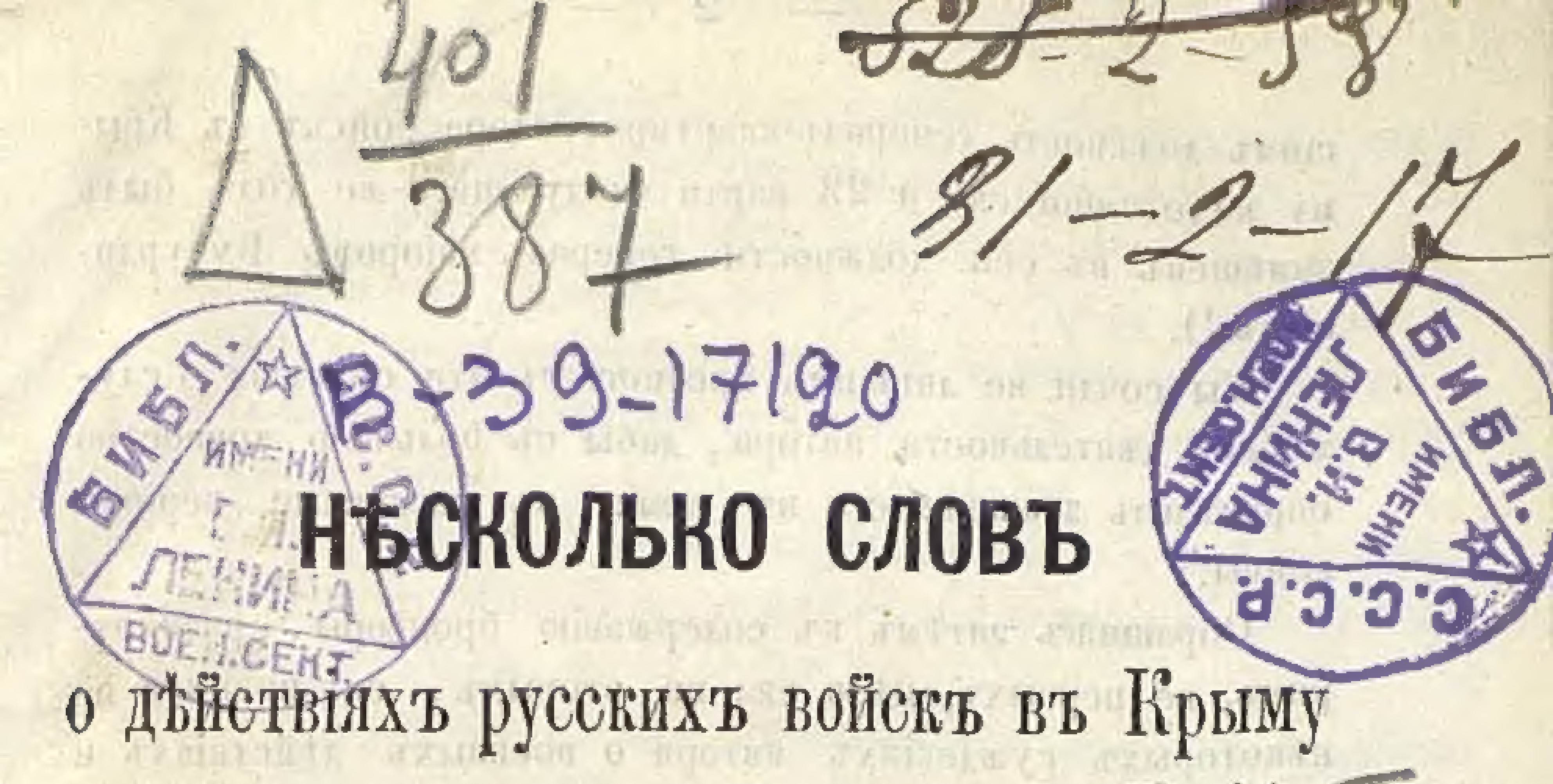

Д 401
387

ae
2007059544

Нѣсколько словъ

о дѣйствіяхъ русскихъ войскъ въ Крыму

въ 1854 и 1855 гг.

Недавно, подъ этимъ заглавіемъ, вышла въ свѣтъ брошюра, изданная по-русски въ Парижѣ генералъ-маіоромъ Герсевановымъ, *бывшимъ генералъ-квартирмейстеромъ Крымскихъ войскъ.*

Авторъ ея, бывшій въ началѣ послѣдней войны оберъ-квартирмейстеромъ 5-го пѣхотнаго корпуса, вскорѣ послѣ перехода нашихъ войскъ чрезъ Дунай, въ 1854 году, былъ назначенъ состоять, безъ особой должности, при штабѣ войскъ, занимавшихъ княжества, а по полученіи извѣстія о высадкѣ союзниковъ въ Крымъ, вслѣдствіе ощущавшейся тамъ надобности въ офицерахъ генеральнаго штаба, былъ въ числѣ прочихъ командированъ въ распоряженіе князя Меншикова. Будучи въ чинѣ полковника, онъ, какъ старшій, завѣдывалъ квартирмейстерскою частію въ войскахъ, подвѣдомственныхъ князю, и только Высочайшимъ приказомъ, отъ 6 декабря 1854 года, былъ назначенъ исправляю-

щимъ должность генералъ-квартирмейстера войскъ въ Крыму находившихся; а 23 марта слѣдующаго-же года былъ замѣщенъ въ сей должности генералъ-маіоромъ Бутурлинымъ [1]).

Мы сочли не лишнимъ предпослать эти свѣдѣнія о служебной дѣятельности автора, дабы съ бо́льшею точностію опредѣлить значеніе его въ арміи въ различные періоды войны.

Обращаясь затѣмъ къ содержанію брошюры, разсмотримъ, во первыхъ, цѣль ея; во вторыхъ, остановимся на нѣкоторыхъ сужденіяхъ автора о военныхъ дѣйствіяхъ и о главныхъ изъ участвовавшихъ въ нихъ лицахъ.

Цѣль, объясненная авторомъ, въ общемъ предисловіи къ отдѣльнымъ статьямъ, изъ коихъ состоитъ его брошюра, весьма похвальная, именно: воздать должную справедливость главнымъ дѣятелямъ достославной обороны Крыма, защитить ихъ отъ незаслуженнаго нареканія современной иностранной журналистики и отъ пошлыхъ нападокъ нашихъ безъименныхъ писакъ, изъ коихъ нѣкоторые не устыдились, въ изданныхъ ими за-границею пасквиляхъ, не говоримъ осуждать военныя распоряженія своихъ военачальниковъ, всегда и повсюду подлежащія критикѣ въ интересѣ искуства, — но въ площадныхъ выраженіяхъ посягать на личность заслуженныхъ воиновъ, посвятившихъ всю жизнь свою отечеству. Повторяемъ, противодѣйствіе такимъ отвратительнымъ выходкамъ заслуживаетъ полнаго сочувствія всѣхъ честныхъ людей; но сочувствіе это можетъ

---

[1]) Въ октябрѣ 1855 г., когда еще имѣлось въ виду продолженіе военныхъ дѣйствій, полковникъ Герсевановъ произведенъ въ генералъ-маіоры, съ отчисленіемъ отъ генеральнаго штаба и назначенъ командиромъ 2-й бригады 14-й пѣхотной дивизіи.

относиться всецѣло лишь къ такимъ обличителямъ лжи и клеветы, которые, въ свою очередь, будучи чужды духу партій, судятъ о дѣйствіяхъ всѣхъ и каждаго съ одинаковымъ безпристрастіемъ, не принимая подъ свою защиту однихъ, въ тоже время клеймя бездоказательно другихъ и отказывая въ признаніи за ними заслугъ, вполнѣ имъ принадлежащихъ.

Къ сожалѣнію, мы не нашли въ статьяхъ г. Герсеванова этого полнаго безпристрастія, составляющаго священный долгъ историка.

Начнемъ съ статьи: *О дѣйствіяхъ князя Меншикова.*

Мы вполнѣ раздѣляемъ мнѣніе автора на счетъ неопровержимыхъ заслугъ, оказанныхъ княземъ Меншиковымъ во время начальствованія его въ Крыму. Строгая критика, разбирая его дѣйствія, можетъ быть, упрекнетъ его въ нѣкоторыхъ частныхъ погрѣшностяхъ, но кто-же не дѣлалъ ошибокъ на войнѣ? Онѣ свойственны самымъ геніальнымъ полководцамъ. Къ тому-же если-бы такія погрѣшности и были доказаны, то во всякомъ случаѣ, рѣшимость, оказанная княземъ принятіемъ боя при Альмѣ [2]), противъ значительно превосходнаго въ силахъ непріятеля, быстрыя и энергическія мѣры, взятыя послѣ сего сраженія для устройства обороны Севастополя, искусное фланговое движеніе отъ

---

[2]) Битва при Альмѣ, конечно, останется въ исторіи какъ *проигранное* нами *сраженіе*, но не взирая на несоразмѣрность числа сражавшихся, оно никакъ не можетъ быть названо *пораженіемъ*, ибо армія наша отступила, не оставивъ ни одного трофея въ рукахъ непріятеля и вслѣдъ затѣмъ, такъ сказать, въ виду противника, совершила блистательный маневръ, возстановившій сообщенія ея съ естественнымъ своимъ операціоннымъ базисомъ, предварительно обезпечивъ оборону Севастополя.

этого города къ Бахчисараю, въ особенности же великій *подвигъ* затопленія флота [3]) — навсегда останутся за нимъ и сохранятъ имя его въ исторіи.

Что касается обвиненія князя въ непредвидѣніи высадки союзниковъ въ Крымъ, мы, на основаніи давно извѣстныхъ намъ фактовъ и, отчасти, современной переписки его, всегда признавали это обвиненіе лишеннымъ всякаго основанія. Приложенные къ брошюрѣ документы вполнѣ подтверждаютъ наше мнѣніе. При этомъ однакожъ не можемъ умолчать, что г. Герсевановъ, сопоставляя означенные документы съ мѣстами, приводимыми имъ изъ сочиненія г. Тотлебена (Опис. обор. Севостополя), укоряетъ знаменитаго героя этой славной обороны въ несправедливости къ князю Меншикову. Но прежде нежели бросать хотя-бы тѣнь подозрѣнія въ пристрастіи на такую личность, какъ генералъ Тотлебенъ, казалось-бы, слѣдовало увѣриться: извѣстны-ли были ему помянутые документы. Составляя предметъ прямой переписки съ Государемъ, они могли, по какому либо случаю, не поступить въ архивъ военнаго министерства, и такимъ образомъ оставаться тайною для доблестнаго историка обороны Севастополя.

Обратимъ также вниманіе на выраженія, хотя косвенно, но тѣмъ не менѣе совершенно несправедливо клонящіяся къ уменьшенію безсмертныхъ заслугъ г-на Тотлебена, ко-

---

[3]) Противники князя Меншикова приписываютъ мысль о затопленіи флота не ему, а адмиралу Корнилову, или инымъ лицамъ. Мы не допускаемъ такого истолкованія. Въ подобныхъ случаяхъ не такъ важна самая мысль, какъ рѣшительность характера, потребная для исполненія ея отвѣтственнымъ за то лицомъ. Вотъ почему, кѣмъ бы ни были подаваемы совѣты главнокомандующему, успѣхъ или неудача отъ исполненія ихъ всегда должны относиться лишь къ нему.

торыя находимъ на стр. 10-й брошюры. Воздавая должную, по нашему мнѣнію, похвалу князю Меншикову за дѣятельность, выказанную имъ при исполненіи работъ по приведенію Севастополя въ оборонительное состояніе съ суши, *до произведенія десанта*, авторъ говоритъ: «и все онъ (князь Меншиковъ) создалъ съ слабыми матеріальными и ничтожными денежными средствами. Послѣ него мало прибавлено къ линіи и системѣ обороны; весьма естественно, послѣ высадки число и калиберъ орудій увеличены, но это ужъ было просто необходимостію для всѣхъ очевидною; *все это было легко при громадности средствъ послѣ потопленія кораблей и усиленія гарнизона*».

Въ этихъ словахъ заключается вопіющая неблагодарность въ отношеніи къ генералу Тотлебену. Что оборонительныя работы, исполненныя до начала осады по распоряженію князя Меншикова, доставили *возможность* къ дальнѣйшей, продолжительной, защитѣ, это вѣрно; можетъ быть даже, что «безъ нихъ (какъ то утверждаетъ авторъ біографіи адмирала Корнилова[*]) никакое искуство и никакой энтузіазмъ защитниковъ Севастополя не въ состояніи были бы воздвигнуть въ нѣсколько дней тѣ грозныя укрѣпленія, которыя въ славный для Россіи день 5 октября, однимъ ударомъ ниспровергли самоувѣренность союзниковъ и заставили ихъ, откинувъ мечты о легкомъ завоеваніи, начать съ ними борьбу кровавую, безпримѣрную въ военныхъ лѣтописяхъ, по громадности средствъ и усилій, употребленныхъ на взятіе небольшаго временно-укрѣпленнаго города». Все это, можетъ быть, и такъ, но не менѣе того утверждать, что одиннадцати-мѣсячное продолженіе этой гигант-

---

[*]) Составленной адъютантомъ его *Жандромъ*, стр. 168.

ской борьбы *было легко*, вопреки мнѣнію военныхъ людей всего образованнаго свѣта, оцѣнившихъ по достоинству подвигъ молодаго, дотолѣ неизвѣстнаго инженера, руководившаго оборонительными работами защиты, значитъ вести невольно читателя къ заключенію — если не на счетъ неспособности критика къ сознанію заслугъ знаменитаго нашего инженера (чего мы не предполагаемъ), то о непростительномъ лицепріятіи въ ущербъ лица, возвысившаго славу русскаго оружія. Нѣтъ, не взирая на то, что было подготовлено для защиты Севастополя княземъ Меншиковымъ, не *легко* было исполнить то, что выполнилъ съ такимъ талантомъ, энергіею и мужествомъ генералъ Тотлебенъ; благодарное отечество признаетъ это въ отдаленномъ потомствѣ, какъ единодушно признало то наше поколѣніе.

Переходя къ другой статьѣ, подъ заглавіемъ: *Причины неудачнаго исхода войны*, мы нашли въ ней нѣкоторыя подробности, относящіяся до распоряженій главнокомандующаго южной арміей князя Горчакова, представленныя не съ точностію; — другія же — о которыхъ мы узнаемъ впервые, не смотря на то, что по положенію нашему въ южной арміи, онѣ бы должны были намъ быть извѣстными. Такъ, напримѣръ, авторъ увѣряетъ, что будто-бы, по полученіи извѣстія о высадкѣ непріятелей въ Крымъ, князю Горчакову было предложено *однимъ лицомъ его штаба* (не поименованнымъ) двинуть тотчасъ туда 3-й и 4-й пѣхотный корпуса, но что князь не согласился на это предложеніе, а вмѣсто того послалъ лишь одну 12-ю дивизію. На самомъ-же дѣлѣ было такъ: коль скоро князь Горчаковъ освѣдомился о совершеніи десанта, онъ, ни по чьему предложенію, а по собственному побужденію, двинулъ 7 сентября въ Одессу 12 дивизію и два

полка улан. Извѣстясь же о результатѣ Альминскаго сраженія, онъ тотчасъ приказалъ 12 дивизіи продолжать слѣдованіе изъ Одессы въ Крымъ, двинулъ туда же резервную уланскую дивизію барона Корфа и, вмѣстѣ съ тѣмъ, отдалъ приказаніе направить къ Одессѣ 10, 11 и 8-и пѣхотныя дивизіи,съ цѣлію сосредоточить ихъ при этомъ городѣ. Независимо отъ сего, княземъ была приложена особенная заботливость о направленіи въ Крымъ значительнаго количества продовольственныхъ и артиллерійскихъ запасовъ, шанцоваго инструмента и проч. При этомъ начальникъ главнаго штаба южной арміи совѣтовалъ дѣйствительно, какъ говоритъ г. Герсевановъ, главнокомандующему отправить и 10-ю пѣхотную дивизію вслѣдъ за 12-ю. Князь Горчаковъ сначала не согласился на это, но вскорѣ уступилъ однако-же просьбѣ генарала Коцебу. Впослѣдствіи, и уже на основаніи Высочайшаго повелѣнія направить въ Крымъ весь 4-й корпусъ, выступила туда и 11-я дивизія, а затѣмъ князь Горчаковъ двинулъ послѣдовательно дивизіи 8, 6 и 1-ю драгунскую. Не должно также забывать, что еще въ іюлѣ, князь Гарчаковъ, находившійся тогда въ Фратешти на Дунаѣ, по снятіи осады Силистріи, отправилъ въ Крымъ, по просьбѣ Князя Меншикова, и *безъ всякаго приказанія*, 16-ю дивизію, подоспѣвшую такимъ бразомъ къ сраженію подъ Альмою. Достойно глубокаго конечно сожалѣнія, что при этомъ случаѣ князь Горчаковъ не послѣдовалъ совѣту генерала Коцебу, предлагавшаго, вмѣстѣ съ 16 дивизіей, отправить и 6, находившуюся также въ Молдавіи. Участіе въ Альминской битвѣ этой дивизіи, находившейся въ полномъ боевомъ составѣ (числительностію въ 16 тыс. человѣкъ), по всей вѣроятности, произвело-бы рѣшительное вліяніе на исходъ сраженія и всей десантной экспе-

лиціи. При всемъ томъ, однакожъ, слѣдуетъ припомнить, что въ это время, самъ князь Горчаковъ, имѣлъ предъ собою, за Дунаемъ, въ Добруджѣ и частію по сію сторону этой рѣки, около Журжи, сильнаго непріятеля, и кромѣ того ожидалъ, что австрійцы дебушируютъ ему въ тылъ изъ Трансильваніи. При такихъ обстоятельствахъ, нельзя обвинять главнокомандующаго, что онъ въ виду угрожавшей опасности собственной его арміи, не рѣшился ослабить себя двумя дивизіями, дабы подкрѣпить на отдаленномъ театрѣ дѣйствій другаго, назависимаго главнокомандующаго, въ одномъ предположеніи, что сей послѣдній будетъ аттакованъ, хотя предположеніе это и представляло нѣкоторое вѣроятіе.

Сожалѣя о томъ, что 3-й и 4-й корпуса въ полномъ составѣ не были направлены въ Крымъ, совокупно съ 12-ю пѣхотною дивизіей, авторъ говоритъ, что войска эти могли поспѣть въ Севастополь вмѣстѣ съ этой дивизіею, или немного позднѣе , и тогда Инкерманское сраженіе было-бы дано не съ 50-ю, а болѣе чѣмъ съ 120-ю баталіоннами. На это замѣтимъ, что Инкерманское сраженіе не увѣнчалось успѣхомъ не по малому числу баталіоновъ, находившихся подъ рукою, а по неизъясненному понынѣ стеченію обстоятельствъ, вслѣдствіе коихъ баталіоны наши столпились на тѣсномъ пространствѣ, гдѣ они не могли ни дѣйствовать, ни пользоваться поддержкою своей артиллеріи.

Въ числѣ упрековъ, дѣлаемыхъ князю Горчакову, одинъ намъ кажется столь же неосновательнымъ, сколь и страннымъ. «Новый главнокомандующій (говоритъ г. Герсевановъ), выстроивъ по дорогамъ, ведущимъ къ Днѣпру, нѣсколько *не важныхъ мостовъ*, въ томъ числѣ въ *Николаевѣ*, не нашелъ нужнымъ улучшить дороги для обезпеченія

дальнѣйшихъ подвозовъ». Во первыхъ, сколько это было возможно, все вниманіе было обращено на улучшеніе сообщеній съ арміею, особенно въ Крыму; во вторыхъ, неужели авторъ серьезно считаетъ *неважнымъ* мостъ въ Николаевѣ и еще при тогдашнихъ обстоятельствахъ?

Что касается до невыгоднаго вліянія на исходъ войны въ Крыму, приписываемаго авторомъ отсутствію у насъ желѣзныхъ дорогъ въ южномъ краѣ, то конечно никто противъ этого спорить не станетъ; но обстоятельство это такъ извѣстно всѣмъ и каждому, что едвали стоило объ немъ упоминать.

Заступаясь за князя Меншикова, который, по нашему мнѣнію, не нуждается ни въ чьей защитѣ и можетъ спокойно ожидать суда исторіи, генералъ Герсевановъ, совокупляя имя князя съ именемъ генерала Даннеберга, восклицаетъ: «хотя поздно, но, быть можетъ, еще время сказать — *честь имъ и слава!* До сихъ поръ ихъ только порицали оффиціально и неоффиціально» (стр. 66). Зная хорошо генерала Даннеберга, отдавая полную справедливость его обширнымъ познаніямъ, изумительному хладнокровію и мужеству, мы всегда уважали въ немъ доблестнаго военачальника; но при всемъ томъ, хотя бы то лишь по различію круга дѣятельности его и главнаго начальника его въ послѣднюю войну, имена ихъ не могутъ быть поставлены, такъ сказать, на одной доскѣ.

Затѣмъ, возвращаясь вновь къ князю Горчакову, въ послѣднихъ строкахъ своей брошюры, г. Герсевановъ взводитъ (хотя конечно безсознательно, какъ мы то думаемъ) клевету на покойнаго главнокомандующаго, и мы, какъ бывшіе въ то время въ числѣ ближайшихъ его сотрудниковъ, почитаемъ себя нравственно обязанными торжественно

протестовать противъ такого оскорбленія памяти его. Вотъ что говоритъ авторъ въ этихъ строкахъ: «Миръ заключенъ, миръ правда невыгодный, но онъ могъ быть хуже; неудача сраженія 4 августа, потери послѣднихъ дней бомбардировки, попытки союзниковъ изъ Евпаторіи и Байдарской долины отрѣзать нашу армію отъ Перекопа, произвели на главнокомандующаго такое впечатлѣніе, что онъ хотѣлъ очистить Севастополь и даже Крымъ. Къ счастію, для славы его и Россіи, пріѣхалъ въ то время въ армію одинъ изъ хорошихъ его знакомыхъ, извѣстный туристъ *Ч.*, прогостилъ въ ставкѣ князя нѣсколько мѣсяцевъ, и успѣлъ убѣдить его, что оставить Крымъ — значитъ отдать его навсегда».

Мы не защитники quand même (во чтобы-то ни стало) ни князя Горчакова, ни кого либо инаго. *Дѣйствія*, пожалуй даже *помыслы* военачальниковъ, но дѣйствія и помыслы — лишь *доказанные фактами, или неоспоримыми свидѣтельствами* принадлежатъ суду исторіи; судъ этотъ еще открытъ передъ княземъ Горчаковымъ; можетъ быть онъ и обвинитъ его во многомъ; но пока этотъ верховный приговоръ не произнесенъ судилищемъ вполнѣ для того призваннымъ, никто не имѣетъ права клеймить верховнаго вождя бездоказательными предположеніями, по большей части основанными на сплетняхъ главной квартиры, или на схваченныхъ на лету, часто дурно понятыхъ, словахъ приближенныхъ къ главнокомандующему лицъ. Въ настоящемъ случаѣ, если князь Горчаковъ стяжалъ признательность потомства, во время начальствованія своего въ Крыму, то это именно непоколебимою своею твердостію, — ни въ какомъ случаѣ — не оставлять полуострова. Рѣшимость эта, какъ до паденія южной части Севастополя, такъ и по-

слѣ, не взирая ни на какія демонстраціи непріятеля противу фланговъ нашихъ позицій, не оставляла его ни на минуту.

Для вящаго въ томъ удостовѣренія, стоитъ только сопоставить голословному обвиненію въ мнимомъ намѣреніи, приписываемомъ главнокомандующему г. Герсевановымъ, нижеслѣдующія строки приказа по арміи, отданнаго княземъ Горчаковымъ на Инкерманскихъ высотахъ, 31-го августа 1855 г., пять дней спустя по очищеніи нами южной стороны Севастополя. Вотъ эти строки:

«Севастополь приковывалъ насъ къ своимъ стѣнамъ. Съ паденіемъ его, мы пріобрѣтаемъ подвижность и начинается новая война, война полевая, свойственная духу русскаго солдата. Покажемъ Государю, покажемъ Россіи, что духъ этотъ все тотъ-же, коимъ отличались предшественники наши въ незабвенную отечественную войну. Гдѣ бы непріятель ни показался, мы встрѣтимъ его грудью и будемъ отстаивать родную землю, какъ мы защищали ее въ 1812 году.

Слова сіи достаточно свидѣтельствуютъ, что прахъ кн. Горчакова достоинъ покоится въ нѣдрахъ Таврической земли, среди останковъ столькихъ благородныхъ жертвъ, заплатившихъ своею жизнію за сохраненіе Россіи этого роскошнаго наслѣдія Екатерины Великой».

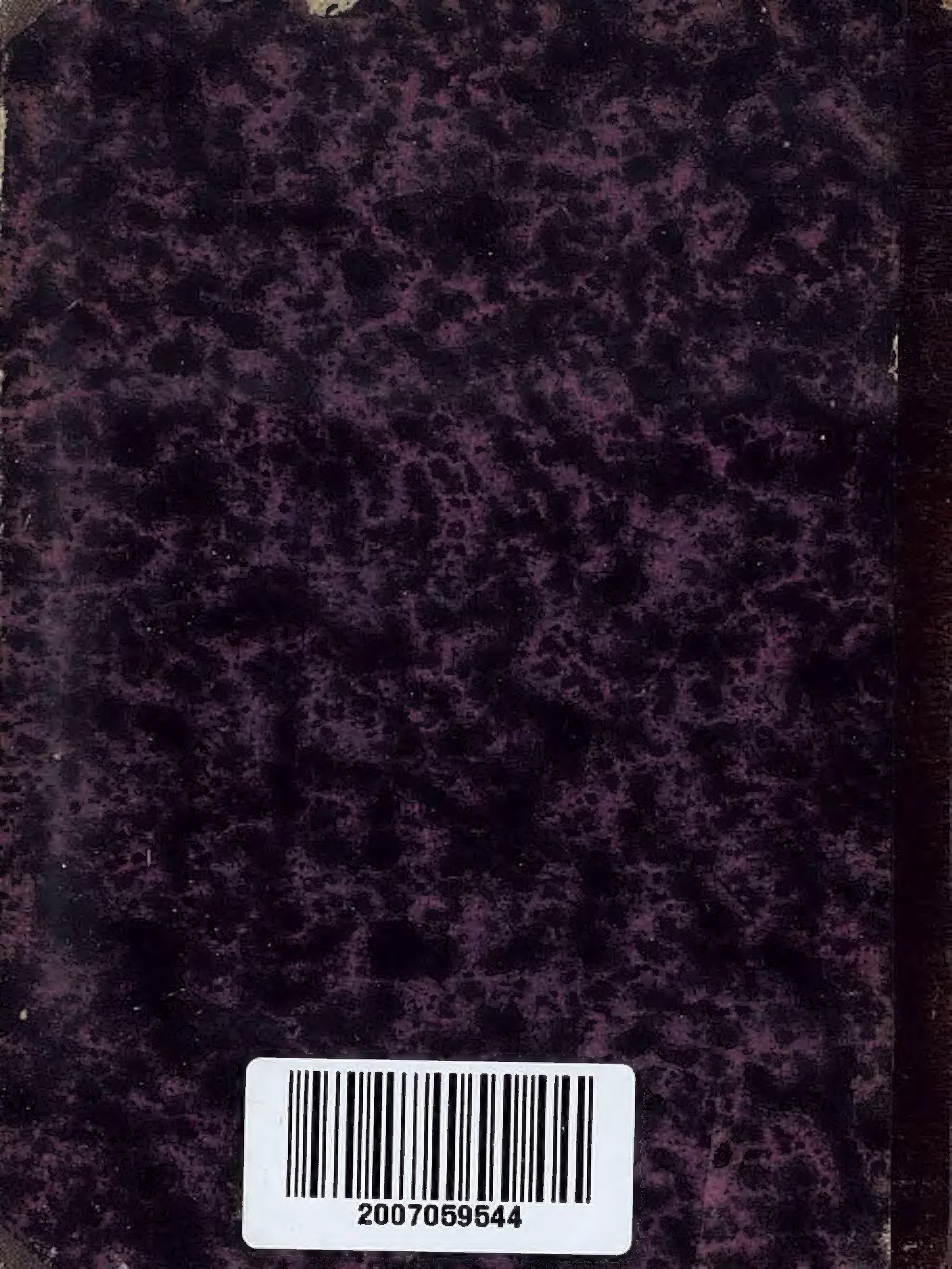
С. Бутурлинъ.

Изъ Одесскаго Вѣстника 1867 г. № 179.

2007059544